

Я, с другой стороны?

Я мог бы стать горячее, чем, это.

Гораздо горячее.

Сосредоточившись на боли, которая разъедала мою кожу и гремела по нервам, я щелкаю одним из своих коренных зубов, стискивая зубы, глубоко втягивая тепло внутри себя, глубже, чем когда-либо прежде.

Свет начинает поглощать мое зрение, а грудь начинает испытывать ужасное ноющее чувство, и на одно безумное мгновение мне кажется, что я снова в грузовом отсеке корабля на пути в Южную Африку, сгораю изнутри, когда Экстремис поджигает меня.

Я не останавливаюсь.

Все больше и больше тепла исходит от меня, пока я не чувствую, что могу взорваться в любой момент.

А учитывая коктейль, бурлящий в моем теле, это не метафора.

Я не останавливаюсь.

К настоящему времени у меня больше нет никаких связных мыслей в моем мозгу, мой мир-это только боль и жар, поскольку я сам буду гореть все жарче и жарче. Я даже не могу бояться, что то я делаю, может убить меня, так как агония перекрывает любую мысль, которую я мог бы иметь.

А потом, в яркой вспышке жара и пламени, все это просто останавливается, ванна взрывается в душе из керамики.

Лежа на потрескавшемся бетонном полу сарая, я лежу на спине, едва хватая ртом воздух. Я почти схожу с ума, когда понимаю, что мне не сразу становится лучше, так как нет тепла, означающего, что я выздоравливаю, но потом я понимаю, что все мое тело чувствует жар.

Перекатившись на живот, я медленно приподнимаюсь на дрожащих руках, и тут замечаю, что совершенно сухой.

Кислота испарилась.

Я вяло пытаюсь выпрямиться, хотя почти сразу падаю на колени. Я снова выпрямляюсь, и на

этот раз мне удастся удержаться в вертикальном положении, и медленно, о, так медленно, я чувствую, как действует Extremis, как будто он так же устал сверх всякой меры, как и я.

Глядя на свою руку, я вижу, как воздух кипит вокруг меня, тонкие струйки пара скатываются с моей кожи, показывая последствия фокусировки конечностей по всему телу. Но еще важнее то, что текстура моей кожи изменилась.

Это очень незаметно, и нужно было бы подойти ближе, чем большинство людей когда-либо доберутся до меня, и, чтобы рассказать об этом, но моя кожа больше не была похожа на человеческую кожу.

У нее была грубая, приподнятая текстура, наслаивающаяся почти невидимыми линиями.

Как ракушки.

Услышав, как за моей спиной открывается дверь, я оборачиваюсь и вижу, как Штейн и Бурштейн заглядывают в дверной проем, первый анализирует ущерб, нанесенный последней вспышкой тепла сараю и оборудованию, в то время как второй таранится на мою мутировавшую форму (как он делал каждый раз, когда видел мой поднятый скелет).

- Э-это сработало?" - Запинаясь, спрашивает Бурштейн, когда оба ученых входят в сарай, мой новый агент только сейчас замечает ущерб, нанесенный его имуществу, если судить по его возмущенным брызгам.

Штейн, с другой стороны, просто смотрит на мою дымящуюся фигуру сузившимися глазами, издавая жужжащий звук, как будто он что-то обдумывает.

Затем он выхватывает пистолет с глушителем и стреляет мне в грудь.

В то же время Бурштейн падает на землю с руками над головой, я все еще слишком онемел от своего последнего испытания, чтобы достаточно быстро среагировать на пулю, и несколько оцепенело смотрю, как кусок сверхзвукового свинца расплющивается о мою грудь, а затем падает на пол, немного дымясь на кончике.

Я медленно оглядываюсь на Штейна, который все еще держит пистолет с глушителем (и я имею в виду глушитель: использующий свойства вибриума и технологию из Ваканды, Штейн сделал глушитель, который уменьшил взрывной звук выстрела до уровня пердежа мыши), массивная ухмылка на его лице.

По мере того как мой мозг работает в течение последних десяти секунд, осознание постепенно начинает появляться в моем уставшем уме.

- Ты стрелял в меня."

В моем голосе нет ни гнева, ни упрека, поскольку я слишком устал, чтобы проявлять подобные эмоции. Услышав мое категоричное заявление, Штейн убирает пистолет в карман своего лабораторного халата, ухмыляясь еще шире, в то время как Бурштейн нерешительно поднимается на ноги.

- Да. Но разве ты умер?"

Переводя взгляд с друга, который несколько мгновений назад выстрелил мне в грудь, на упомянутую грудь, а затем на пулю, о которой идет речь, на моем лице медленно начинает формироваться улыбка.

-Ничего не почувствовал."

И я начинаю смеяться, сначала медленно, но продолжаю смеяться все громче и громче, пока не хватаюсь за бока, в конце концов к нам присоединяется Штейн и даже Бурштейн нервно хихикает.

Потому что только в этой вселенной тебя могут бросить в кислоту, убить током, а потом погрузить во взрыв тепла и после ты выйдешь пуленепробиваемым.

Смотреть, как пуля буквально расплющивается о твою кожу?

Прекрасно!

Очнувшись от истерики, опершись руками о колени, приподняв грудную клетку и тяжело дыша, я оглядываюсь на свою маленькую команду, чьи резцы длиннее обычных сверкают в свете люминесцентных ламп на потолке.

"Шаг 11а: завершен."

Непробиваемая кожа-это чертовски круто!

Я решил воссоздать трюк, который Люк использовал, чтобы показать Джессике, что он тоже сверхчеловек, и видеть, как лезвие пилы буквально затупляется, когда она просто посылает искры, летящие от вашей кожи, - это самое крутое чувство в мире.

Мне пришлось бороться с желанием выйти наружу, хихикать в небо и кричать: "я неуязвим!"

К счастью, список Повелителей научил меня кое-чему получше.

Тем не менее, я был быстро выведен из моего недолгого силового путешествия двумя учеными, которые вывели меня из сарая под проливной дождь, оба, очевидно, ругали меня за то, что я просто стоял там в ядовитых испарениях, которые остались после того, как я испарил кислотную ванну (вероятно, причина моего маниакального приступа смеха и почему это заняло так чертовски много времени, чтобы пнуть).

После того как я проверил, был ли я сильнее, или защищённее несколько раз ударив себя самым острым ножом, который я мог найти на кухне Бурштейна (оказывается, даже я не могу проколоть свою собственную кожу, хотя я определенно чувствовал удары) Я принял заслуженный душ, смывая грязь с моей недавно изменившейся кожи.

Это казалось странным даже сейчас, мыте кожи с действительно грубой текстурой, почти как будто я шаркал по гравии, покрытым клеем или чем-то еще.

Если бы компромиссом для того, чтобы стать нерушимым, была немного более грубая кожа, то я бы с радостью заплатил эту цену.

Когда я вышел из душа, все еще вытираясь полотенцем, все начало идти не так.

В дверь позвонили.

<http://tl.rulate.ru/book/49515/1257845>